

КТО СЕЕТ ХЛЕБ, ТОТ СЕЕТ ПРАВДУ

Заканчивается год, который с полным правом можно назвать знаменательным в жизни школьной детворы: 50 лет назад родилась на Ставрополье первая ученическая бригада. С тех пор миллионы ребят нашей страны каждую весну выходят в поле, чтобы выращивать на нём тугие, налитые зерном колосья пшеницы, ржи, а также картофель и другие овощи.

Писатель Карем Раш не однажды бывал на Ставрополье, подолгу общался с юными хлеборобами. Очерк, который мы сегодня публикуем, он посвящает рассказу о Григорополисской школе, где была создана первая ученическая бригада. Но писательский рассказ — не только о ней: Карем Раш исследует эстетические и этические основы труда, его влияние на нравственное становление человека. Крестьянин не мог не накормить скотину, оставить недоенными коров, не мог не убрать урожай с поля...

Мы многое утратили из того, о чём пишет наш автор: органичную связь с природой, ощущение себя её частью. Может быть, статья вызовет у вас желание провести с ребятами беседу о вечных ценностях, о трепетном отношении человека к природе, к земле-кормилице, поможет по-новому взглянуть на село, без которого городу не прожить...



Карем (Кавад) Раш

Мальчик, в подарок тебе
земля не возделана вовсе.

Вергилий

«Джентльмен обыкновенно живёт в деревне» — так начинается одно из самых известных в Англии руководств для «настоящих мужчин».

Почему для британских верхов, столетиями неторопливо отбиравших нормы в кодекс поведения и жизни и показавших исключительную классовую выживаемость и гибкость, деревня и аристократизм оказались сопряжены, неразрывны до сегодняшнего дня? И сейчас, зарежь хоть миллионы, но если ты не ковыряешься на своём клочке земли и у тебя нет дома и живности, — никакие деньги не смоят с тебя облика выскочки и разбогатевшего деклассированного чужака.

Когда это началось? Облагораживание земли было главным, что внесли в историю молодые народы Европы, пришедшие на смену античности. Владение землёй стало основным признаком знатности. Что общего между много раз осмеянным деревенским увальнем и джентльменом? Прежде всего, деревня с её укладом, сезонами, рассветами, работой, требующей долгого дыхания, — всё это нечто генетически чуждое выскочке. *Земля проверяет человека на подлинность.*

Английское дворянство не зря лучше континентального приспособилось к буржуазности: оно всегда знало цену деньгам и обладало незамутнённым инстинктом власти. О том, что земля — основа богатства и достоинства, — именно богатства и достоинства! (у буржуа деньги и честь ходят врозь), — английское дворянство знало всегда. Даже «леди» в своём первом и точном звучании означало на заре истории германских племён — «женщина, пекущая хлеб».

Великий Либих¹ писал в письме профессору Петровской сельскохозяйственной академии П.А. Ильенкову: «Русское земледельческое дворянство должно же понять, что ему необходимо запастись сельскохозяйственными знаниями, если оно не хочет идти навстречу верной гибели». Неуважение к земле губительно для любого господствующего класса. Нам, унизившим высокое понятие «деревня» в своём обыденном сознании (а оно имеет решающее значение) и принявшим эстраду и «смехочей» за культуру, трудно вновь повернуться лицом к земле, к основам. Но — придётся: предостережение Либиха не теряет силы.

¹ Юстус Либих (1803–1873) — немецкий химик, один из создателей агрохимии, автор теории минерального питания растений



Островная психология англичан, закалённая беспощадным отбором, видимо, способствовала тому, что в складках их сильной памяти сохранились отпечатки глубоких и длительных народных переживаний. Там же укоренилась и стала частью психики идея о том, что сила и благородство не во внешних знаках иерархического ранга, а в знании своего места на общественной ступени. Иными словами, верный признак благородства — это осознание того, что достоинству есть место на любой ступени, а недовольство своим социальным местом, зависть и раздражительность — признак низменной натуры. Благородство — в сознании уникальности любого социального места.

Не станем ни иронизировать, ни шараться от знаменитого кодекса правил чести только потому, что он выработан не в наших обстоятельствах или принадлежит привилегированному классу. Попади нам в руководство строка «джентльмен никогда не лжёт», не воспримем же мы эту мораль добропорядочного человека враждебной нам.

В основе сельской жизни — здравый смысл и нравственность, ибо там от стебля травинки и до коровы всюду человек имеет дело с живым. А нравственность — это отношение к живому. Но, спросите вы, к чему здесь Альбион, кодекс чести, деревня и учёный Либих?

Наша культура, как и европейская — вся деревенская. Все песни и былины, вся музыка, нравы и устои родились на сельских просторах и хранились по усадьбам, дворам, теремам и избам. Рыцарский кодекс, и сегодня составляющий основу нравственности, отлился в деревенских усадьбах и крепче всего держался не в роскошных палатах и замках, а в среде бедного дворянства, чему порукой отважный и бедный мечтатель с равнины Ла-Манчи по имени Дон Кихот. Уклад русской жизни, строго говоря, не деревенский, не городской, а усадебный: он включает крестьянский двор, дом, семью.

Пишу эти строки для станичных ребят с русского юга, для членов ученической бригады. Это ради них я приехал сюда вторично и из-за них не опубликовал первый, говоря по-старому, извод записок. Когда увидел их неутомимость на поле, их мозолистые детские руки, стало неловко отписываться даже одой в их адрес. Хотелось дать им самое главное, чего они, как мне тогда показалось, лишены, а именно *доказательства благородства их социального выбора*. Чтобы они навсегда осознали: *город сближается с деревней, потому что это надо городу*. Деревня проживёт худо ли бедно и без него. А город без деревни не проживёт. Это на уровне физической выживаемости. Но есть ещё у деревни одна ипостась: чем больше в городе деревни, тем город прекрасней. Деревня живёт в городе прудами, парками, цветами, лужайками, водой, травой, пением птиц.

...Каждый вечер в пойме Кубани в колхозной гостинице пробую перенести на бумагу не остывшие впечатления дня, которые невольно перемежаются с воспоминаниями о прошлом этого края,

взятыми из книг станичной библиотеки и из бесед со старожилками. Ставропольский край — размером с Францию. В хорошую погоду на горизонте можно различить двуглавую вершину Эльбруса. Показал мне её главный агроном колхоза «Россия» Михаил Гаврилович Соловьёв. Михаил Гаврилович — дельный агроном с лирико-философским отношением к земледелию. Отношением наиболее редким и самым продуктивным в мире, ибо оно вносит в сельский труд *главную составляющую земледелия — красоту, а она немислима без трудолюбия и духовной дисциплины*.

В станице по традиции главные специалисты колхоза закрепляются за классами в качестве шефов. Соловьёв в таких случаях выбирает первый класс, но зато ведёт его уже до выпуска из школы. Он любит ходить по полям с малышами. Как истинный философ, он легко великие нормы земледелия переводит на язык, доступный первоклассникам, и обе стороны в восторге друг от друга. По просёлкам между посевами шагает высокого роста мужчина, окружённый радостно-пытливой гурьбой ребят. Соловьёв говорит по-русски свободно, с лёгким балканским акцентом (он болгарин). Показывает на поле и спрашивает, нет ли в посевах огрехов, прямы ли рядки, отделены ли края полей от дороги?.. Дети дружно отвечают.

— Ведь на школьных тетрадях тоже пишут с полями, не правда ли? Найдите этикетки на краю поля и прочтите фамилию бригадира или звеньевого. Нет ли среди вас тех, кто знает их? Может, они чьи-то родственники или соседи? Нет ли на поле сорняков?..

И вдруг — неожиданный вопрос:

— Дети, вы любите розы?

Хор голосов: «Да-а-а!»

— А если посреди хлебного поля вырастет роза, надо ли её вырвать?

Переглядываются. Думают...

— Жалко розу, не правда ли? — угадывает Соловьёв. — Но вы должны научиться порядку и культуре. Знаете, что такое культура? Это когда каждый знает своё место. Роза пусть растёт



в цветнике, а не в пшенице. Когда не знаешь своего места, то и роза может стать сорняком.

Соловьёв говорит обо всём чуть загадочно и доверительно. Ребята вслушиваются в его интонации.

— Вы в первом классе, значит, вы тоже наши всходы, как подснежники. Помогаете маме в огороде?

Малыш серьёзно отвечает:

— Я с мамой сажаю картошку. Мама лунки роет, а я клубни бросаю.

— Сколько ты бросаешь клубней в лунку? — спрашивает агроном.

— Если маленькие клубни, то два, а большие по одному.

— Молодец! Это называется — норма высева. А как выглядит пшеница, ребята?

— Она усатая...

— Правильно. Но теперь вы будете говорить не «усатая», а «остистая». А та, что без усов, — «безостая». Поле, ребята, должно быть таким красивым, чистым, как в хорошем доме: пойдёшь к крыльцу — и невольно захочется ноги вытереть.

— Я, — говорит мне Соловьёв, — проведу детям любовь к живому. В земледелии всё должно быть целесообразно и красиво, а если ещё и сделано прочно, то это уже просто гениально. Малышам даю образ родного поля. Пусть им в душу западут красота, культура. Понятие культуры включает и ум, и совесть. Совесть, пожалуй, важнее. Поле должно быть красивым, но «не всё то золото, что блестит», — поле может быть вспахано и не вовремя, и не на должную глубину... Об этом расскажу детям позже. Сейчас главное — воспитать души с помощью образа родного села и поля. Воспитание красотой обязательно связать с родным домом, с опытом работы в семье с папой и мамой, с братьями. Всё должно пройти через сердце...

Я сказал Соловьёву, что его воззрения на воспитание очень близки мыслям нашего замечательного поэта Василия Жуковского, одного из самых великих педагогов в истории нашего Отечества. Он был учителем не одного только Пушкина и Гоголя, хотя и этого достаточно для величия. Жуковский был прирождённый наставник, мало сказать — он был как бы воплощённая душа педагогики, этот учитель царей и поэтов. Жуковский любил детей и всю жизнь подвижнически им служил. Я пообещал Соловьёву на другой день принести два знаменитых перевода Жуковского из Геббеля², без которых не обходилась когда-то в России ни одна детская хрестоматия. На этих стихах выросло несколько поколений россиян. Михаил Гаврилович, прочитав «Овсяный кисель», онемел от восторга и удивления:

— Каждый ребёнок и каждый агроном должны знать их наизусть. Мой отец в Болгарии не знал о Жуковском, но учил нас тому же. Отсюда наша любовь к земле и верность ей.

Овсяный кисель*

Дети, овсяный кисель на столе;
читайте молитву!

Смирно сидеть, не марать рукавов
и к горшку не соваться;

Кушайте: всякий нам дар совершен
и даяние благо;

Кушайте, святы мои, на здоровье;
Господь вас помилуй!

В поле отец посеял овёс
и весной заскородил.

Слушайте ж, дети: в каждом зёрнышке
тихо и смирно

Спит невидимкой малютка-зародыш.
Долго он, долго

Спит, как в люльке, не ест, и не пьёт,
и не пикнет, доколе

В рыхлую землю его не положат
и в ней не согреют.

Вот он лежит в борозде, и малютке
тепло под землёю;

Вот тихомолком проснулся, взглянул
и сосёт, как младенец,

Сок из родного зерна, и растёт,
и невидимо зреет;

Вот уполз из пелёнок,
молодой корешок пробуравил;

Роется вглубь и кóрма ищет в земле,
и находит.

Что же?.. Вдруг скучно и тесно в потёмках...
«Как бы проведать,

Что́ там, на белом свете, творится?..»
Тайком боязливо

Выглянул он из земли...
Ах! Царь мой небесный, как любо!

Ря́дится красное солнышко;
вот нарядилось, умылось,

На́ горы вышло с своим рукодельём;
идёт по небесной

Светлой дороге; прилежно работая,
смотрит на землю,

Словно как мать на дитя,
и малютке с небес улыбнулось.

² Геббель (Хеббель) Кристиан Фридрих (1813–1863) — немецкий драматург, теоретик драмы, изображавший героя-гуманиста в борьбе со злом.

* Публикуется с небольшими сокращениями.



не из жалости к живому, а потому что подсчитали: свобода продуктивней — природу не перехитришь.

Есть своя историческая закономерность в том, что первая бригада возникла на русском юге, здесь, в казачьем краю, каждая пядь которого полита потом и кровью русской вольницы, заслонившей собой «русские украинцы». Почувствовали сельчане, как слабеет связь с землёй у молодёжи, но не впали в ступора, а начали действовать.

Самый бурный день своей жизни Григорополисская школа пережила в 1979 году, когда вдруг осознала свой вклад в педагогику страны. Радостней и многолюдней праздника, чем летом того года, не припомнит никто. Станица праздновала четвертьвековой юбилей своей ученической бригады. В пойме Кубани на старых полях бригады и на склонах старицы собралось тогда десять тысяч станичников и гостей со всех концов страны.

А начиналось это с малого... В 1954 году сто десять учеников местной средней школы, назвав себя девятой бригадой (в колхозе «Россия» было восемь бригад), вышли на отведённые им колхозные поля. Никто тогда не предполагал, что эти ребята станут родоначальниками общесоюзного движения и что четвертьвека спустя у них будет три с половиной миллиона последователей. Поэтому юбилей бригады был не только праздником станицы и даже праздником не Ставрополя, а, по существу, всей страны. В Григорополисскую съехались академики, министры, педагоги, общественные деятели и, разумеется, ученики из производственных бригад со всего Союза. Много было гостей именитых, но одно имя передавалось из уст в уста. Выступления этого ждали. С волнением выспрашивали друг у друга: правда ли, что он здесь? Будет ли говорить? А когда он вышел, говорить ему не дали: овацию было невозможно остановить. Он постоял среди грома рукоплесканий и молча отступил.

Это был первый председатель колхоза «Россия» Николай Фаддеевич Лыскин — выдающийся хозяин, человек смелый, с размахом и характером подвижника. И сейчас станичники в трудную минуту приговаривают:

— Эх! Вот Лыскин, бывало...

Николай Фаддеевич — любимая легенда григорополисцев. Здесь Лыскин стал Героем Социалистического Труда. Отсюда уехал поднимать другое хозяйство в Калужскую область. Не раз, бывало, роптали станичники на его крутой нрав, зато теперь даже его прежние промахи превращают в достоинства, как это бывает только с кумирами.

Так или иначе, колхоз «Россия» поднял Лыскин. Он же стоял у истоков ученической бригады. Каждый день в пять утра Лыскин был уже на школьном поле в пойме Кубани. Там ребята там отвели двадцать два гектара. На десяти школьники засеяли полевые культуры и закутили десятипольный севооборот — по культуре на гектар. Остальные двенадцать гектаров пошли под овощи. Здесь ввели шестипольный севооборот. Выделили ребятам четыре трактора да две дождевальные установки. Вырыли

Мало-помалу оделись поля муравой
и цветами;
Вишня в саду зацвела,
зеленеет и слива, и в поле
Гуще становится рожь, и ячмень,
и пшеница, и просо;
Вот проглянул, налился и качается
в воздухе колос...
Вот налилось и зерно, и тихонько
зреет былинка...
Вот уж и Троицын день миновался,
и сено скосили,
Собраны вишни; в саду
ни одной не осталось сливки;
Вот уж пожали и рожь, и ячмень,
и пшеницу, и просо;
Уж и на жниво собирать босиком
ребятишки сходились
Колос оброненный; им помогла
тихомолком и мышка.
Что-то былиночка делает?
О! Уж давно пополнела;
Много, много в ней зёрнышек;
гнётся и думает: «Полно!
Время моё миновалось; зачем мне
одной оставаться»
В поле пустом меж картофелем,
пухлою репой и свёклой?»
Вот с серпами пришли и Иван,
и Лука, и Дуняша;
Уж и мороз покусал им
утром и вечером пальцы;
Вот и снопы уж сушили в овине;
уж их молотили...
Вот и гнедко потащился на мельницу
с возом тяжёлым;
Начал жёрнов молотить,
и зёрнышки стали мукою;
Вот молочка надоила
от пёстрой коровки родная
Полный горшочек; сварила кисель,
чтобы детушкам кушать;
Детушки скушали, ложки obtёрли,
сказали: «Спасибо!»

Василий Жуковский



мальчики вдоль канала колодцы, утопили в них заборные шланги дождевалок и пошли орошать свою кукурузу, пшеницу, ячмень, тыкву, свёклу и подсолнух.

Урожай уродился на диво. Да вот беда — места мало. Технике негде развернуться. Только ребята на комбайнах войдут в ряд, а поле, глядишь, кончилось. Пожаловались Лыскину. Он засмеялся и говорит:

— Я вам нарежу хоть десять полей по десять гектаров, чтобы не скучали!

И нарезал. А перед тем премировал ребят инструментами для духового оркестра да грузовой машиной. Любил Лыскин людей, к работе охочих. Сегодня 2-я средняя школа награждена орденом Трудового Красного Знамени, она — лауреат премии Ленинского комсомола. Все эти награды, звания и слава заслужены и добыты учениками и педагогами буквально в поте лица. Однако справедливость требует отметить: с первого дня бригаде и школе повезло с председателем, повезло с колхозниками, повезло вообще со станицей.

А соавтором этих везений был всё тот же Лыскин: сажал сады, закладывал виноградники, построил техникум, производственно-техническое училище, запускал новые производства, воодушевлял станичников, торопил их, подстёгивал. Ни себя не щадил, ни других. Это он приучал односельчан смотреть на вещи широко, не скупиться на воспитание, мыслить государственно.

Земледелие у нас в стране издревле было способом бытия — целостным воззрением на мир. Отношение к земле не денежно-товарное, а прежде всего — сыновнее. Земледелие — благороднейшее из человеческих занятий, идея которого вылилась ещё за тысячелетия до христианства в ёмкую заповедь наших предков: «Кто сеет хлеб — тот сеет правду».

«Хлеб — всему голова», потому что рождается как совокупный продукт общества. Значит, всякий, кто честно трудится, — «сеет хлеб».

Григорополиссцы не обходят стороной и проблемы прибыли, считая прибыль неразрывной с качеством труда, а значит — с добросовестностью, с совестью. Видите, опять нравственная категория — добрая совесть. 583 гектара, выделенных в те годы колхозом школе, приносили прибыль и обрабатывались в основном школьниками при обязательной помощи старших, — сообща, коллективно, всем миром. Таким образом, школа приучала своих воспитанников к большим полям, широкому захвату, раздвигая с детства горизонт и поступь, прививая вкус к фундаментальным культурам, и прежде всего к хлебу, который и в самом деле «всему голова». *Дети познают на этих полях, что родное село, родная почва находятся за пределами любого счёта — это бесценно.*

В истории бригады — глубокая взаимосвязь поколений, традиций, добротная устойчивость людей, крепко стоящих на земле, неразрывность старших с младшими. Все старшекласники в школе проходят через ученическую бри-

гаду. Большая часть выпускников возвращается в станицу после вузов. Сегодня в колхозе работают пятьсот выпускников. И это не считая тех, кто учителствует, врачует, служит в учреждениях, то есть тоже не потерял связь с родной станицей.

Один из зачинателей бригады — преподаватель биологии и химии Геннадий Семёнович Данилов. Здесь родился, учителствует уже тридцать пять лет. И отец его Семён Иванович родился здесь, и дед — учил станичных казаков игре на духовых инструментах. В общем, их семья сто пятьдесят лет учителствует в родной станице. Дети Геннадия Семёновича пошли по стопам отца — теперь дело за внуками. Вот какие глубокие корни у школьной ученической бригады!

Полевой стан бригады — это выдвинутый вперёд как бы боевой рудот школы. До станицы двенадцать километров, вокруг — поля. Здесь ребята отдыхают после работы, занимаются спортом, слушают лекции, проводят собрания. Рядом со станом — сортоиспытательный участок. Одной пшеницы 15 сортов да сорок пять гибридов кукурузы. Здесь же недалеко площадка мехотряда, где ученики со взрослыми готовят к жатве комбайны.

Сегодня сельские школьники как механики и знатоки машин на голову выше своих городских сверстников. А если прибавим к этому знание жизни, природы, мира животных, вспомним, что звёзды, птицы, кони — с детства их товарищи, то смело можно сказать, что они и культурнее своих городских сверстников, ибо культура — исконно народное явление в отличие от цивилизации, носителем которой является город. Если бы это было не так, то племена северных звероловов-охотников или земледельцы средней полосы не были бы носителями духа и хранителями национальных родников, из которых черпают художники всех родов искусств.

К сожалению, мы не сумели донести это до широчайших слоёв населения, иначе не слышали бы нелепую брань:



«Эх ты, деревня...» Цивилизация наступает на деревню городскими новшествами, модой, моторами, экранами. Деревня как бы стесняется своего самого драгоценного, стыдится себя...

Тот, кому доводилось видеть, как школьники неторопливо вылезают из-под комбайнов в засаленных спецовках, как уверенно перебирают инструмент, как скупно, по-взрослому, перекидываются репликами профессиональной лексики, тот поймёт, что вполне реальные обязательства брали ребята:

- изучить общее устройство всех сельскохозяйственных машин, имеющих-ся в бригаде;
- освоить технику ремонта сеялок, борон, катков, тракторных прицепов, силосных комбайнов;
- изучить правила обслуживания тракторов. Провести технический осмотр первой и второй степени тракторов КМЗ-6 и ДТ-75;
- обучиться работе на сверлильном, заточном и токарном станках.

Наступила страда — и ребята встали к штурвалам. Под гром музыки, напутствуемые товарищами и родными, прижимая к груди букеты роз, по трапам комбайнов поднялись школьники, заняли там своё место рядом с братьями и отцами.

На ночь у штурвалов школьников заменяли взрослые, но даже засыпали они на стане под рокот комбайнов — как под шум прибоя, как под грохот отдалённой битвы. Нет, битва неуместна на мирной ниве! Зачем нам битва, когда в русском языке есть прекрасное слово — жатва. Посеявший хлеб — пожинает правду. Ведь издавна на Руси начинали сев зёрнами, взятыми из последнего снопа осенней жатвы. Смысл, заключённый в этом ритуале, уже давно пронизывает каждый день жизни школьников...

И в правлении, и у себя в школе тогдашний директор Александр Николаевич Селютин не раз заводил разговор о том, что надо бы дать ученической бригаде новое развитие, новые горизонты.

Директор молод и, судя по его энергии, потянет любой воз. Ему было-то всего 27 лет.

— Мальчишки убегают за двенадцать километров от станицы на конюшню в надежде, что конюх даст им коня повести на водопой, — рассказывал Селютин. — Ждут любой возможности, чтобы сесть в седло. Да и что это за казак, скажите на милость, который не может удержаться в седле?! Мальчишки не хотят с этим мириться. Мы должны вернуть им это самоутверждение. Ведь их отцы и деды в гвардейских казачьих корпусах ходили по тылам врага в Великую Отечественную. В Георгиевском зале Кремля, самом большом и торжественном, в зале воинской славы одно изображение на стене, выполненное в серебре, посвящено двум казакам — Платову и Ермаку. Словом, есть, что вспомнить...

Тридцать три года назад в школе станицы Григоропольской было решено: *чтобы научиться трудиться — надо трудиться*. В труде и соединили работу ученических бригад с широким земледельческим мировоззрением... В историческом плане казаки заменили на рубежах России заставу былинных богатырей. А у русского витязя часто на поясе меч, а в руках гусли. Вот вам и идейная основа будущей программы ученической бригады, когда труд на полях будет соединён с песней и с курсом истории отечественного земледелия и на стане появятся портреты Докучаева, Тимирязева, Северцева, Болотова, Сукачёва, Вавилова.

А для мальчишек возведут редут в чистом поле. Пусть лучшие в труде удостоятся чести быть посвящёнными в казаки с правом надеть кубанку, папаху да взлететь в седло.

Для чего всё это надо? Для того чтобы вернуть людям благороднейшего труда самоуважение к себе. Иначе сколько бы мы ни насыщали село чудесами современной бытовой техники, да «Жигулями», да телевизорами, сколько бы ни говорили молодым людям о том, что деревня, дескать, почти сравнялась с городом, — они всё это выслушают, а сами про себя подумают: «Говори, говори, а я вот ещё немного погляжу, да в город подамся». *Всё бессильно, пока с детства не выработаем земледельческое воззрение на мир, осознание высокого социального престижа труда земледельца, соединив это с историческим самосознанием человека.*

...Ученическую бригаду ждут новые ритуалы, символика, уходящая корнями в отечественную почву, ибо забвение ничего не строит — созидает только память. Будь моя воля, я бы вечер за вечером рассказывал школьникам о прославленных полях России — полях великих битв: Куликовом поле, Бородинском, Полтавском, Прохоровском и о прославленных земледельческих полях, садах, усадьбах, созданных великим трудом... Мне хотелось бы внушить сельским ребятам, что они — опора державы и нет культуры выше деревенской.

В этом очерке, если попадутся впредь стихотворные строки без указания автора, значит — они принадлежат Вергилию. Он по заслугам будет нашим современником и собеседником.



Вергилий знал всё о родной земле: «как урожай счастливый собрать, под какою звездою землю пахать». Он с любовью смотрел, как дымятся туманом сельские кровли, покрытые дёрном, как лёг брошенный в борозду крупный ячмень. Вергилий любил землю и знал, что Рим необорим до тех пор, пока крепок в стране слой мелких землевладельцев, откуда Рим черпал свои победоносные легионы. Он знал, что нет солдат лучше, терпеливее и отважнее, чем из деревни.

Спасти от оскудения и запустения сёла — значит спасти державу.

И поэт взял лиру, чтобы привлечь к деревне внимание образованных сограждан...

Колхоз в развитие бригады со дня её рождения вложил пять миллионов рублей. Судя по доходам колхоза, выходит, что два полных года всё многоотраслевое хозяйство от мала до велика работало только на бригаду. У школы — теплица, мастерские, тир, гаражи. За бригадой закреплено 12 тракторов, 10 комбайнов, грузовики и тысяча гектаров земли. От сбыта выращенной школьниками продукции получено семь миллионов рублей. Это очень серьёзные цифры. Из учащихся седьмых и восьмых классов созданы звенья, которые обслуживают 60 дойных коров, четыреста голов молодняка, «рогачей», как называют зоотехники крупный рогатый скот. Одних свиней за ребятами 1200 голов. Здесь нужно существенное дополнение сделать. Бригада, естественно, не отвечает за этих животных круглый год. Ребята подменяют взрослых, помогают им, дежурят.

Начинала бригада, как уже сказано, на двадцати двух гектарах. Потом Лыскин нарезал им ещё сто. Сейчас — тысяча. Ребята работают много и хорошо. Если описывать даже главные их деяния, понадобится книга. В 1983 году 64 учащихся создали свой «уборочно-транспортный»... Как вы думаете, что? Конечно же, «комплекс». Почему бы не сказать «отряд»? Не принято. Так вот, он, этот «комплекс», стал полноправным

подразделением взрослого уборочно-транспортного... тоже комплекса.

Ребята в колхозе всюду. Убрал, скажем, колхоз 65 тонн яблок — из них 61 тонна сорвана руками детей. Это немало, согласитесь. Правление выделило школьникам целый корпус на нетелинном, разумеется, «комплексе». На этой ферме три тысячи голов молодняка. Девочки управляют. В другой раз дали девочкам отсталую группу коров. Школьницы увеличили надои от этих бурёнок на пятьдесят процентов и выиграли соревнование на ферме у взрослых доярок. Родина ученических бригад умеет трудиться!

В бригадах зародились интересные традиции, несущие в себе высокий воспитательный и нравственный потенциал: праздники весны, первой борозды, посадки леса, урожая, трудовой славы, торжественные посвящения в хлеборобы и др. Прекрасно, что эти традиции заложены юностью. А что до посадок леса, так они должны были бы обрести общенациональный характер.

К традициям, зародившимся в ученических бригадах, хорошо бы добавить главную, без которой нет земледельческого мировоззрения, нет корней и достоинства и без которой сколько ни пичкай полевой стан «магами», гитарами и наглядной агитацией, он, по сути, не оправдывает названия «культстан», так как лишён «культы»: *полевой стан хорошо бы сделать станом-усадебой. И жемчужиной стана-усадыбы должна быть библиотека, золотое ядро которой составляют лучшие отечественные книги, воспитывающие земледельческое, патристическое мировоззрение.* Именно к этим книгам относятся менделеевские «К познанию России» и «Заветные мысли». Их бы следовало немедленно издать в «Промсвещении» или в «Народном образовании» для школьных библиотек. Они стали бы украшением и всех городских школ.

Мы посылаем в сёла книги о роке, битлах, строим в Григорополисской станции дискотеки, откуда осоловелые от децибелов, с мутными глазами выбираются



на поверхность юные комбайнёры и доярки. Теперь попробуй скажи им словами Ивана Комова⁴, современника Андрея Болотова⁵: «Земледелие есть мать всякого ремесла и промысла». Они криво ухмыльнутся и ответят: «Нет, мать всему — балдёж, только в деревне не та дискотека, что в городе»... Впрысните им ещё дозу чужого диско, и уже не услышат они слов того же Комова Ивана, сына священника, который ездил в Англию на много лет не за «дефицитом» и сертификатами, а до изнурения изучал земледелие ради своих соотечественников: «*Государство без земледелия, как без головы, жить не может*».

...А в окна усадьбы влетает головокружительный запах цветущих акаций. Вся станица в белом цвету. Тяжёлые гроздья источают сладостный весенний аромат. Внизу кухня и буфет, где можно съесть домашний обед. Только написал об акации, как услышал громкие голоса двух женщин: это бранилась буфетчица с худой, навсегда насупленной и злющей поварихой. Спустившись вниз в добром расположении духа, спросил её: чем она недовольна такой цветущей весенней порой? Буркнула что-то в ответ и загремела кастрюлями. Тут бы мне и отстать от неё (как говорят французы, «если женщина виновата, извинись перед ней»). Вместо этого я обронил самую неудачную и взрывоопасную фразу, выразив восторг перед станицей, утопающей в сирени. Это было равносильно маслу, подлитому в огонь: «Сами-то не хотят здесь жить, бездельничают в городе и ещё набираются нахальства хвалить эту проклятую дыру...»

Что это за болезнь? Как людьми овладевает паническое ощущение того, что самое плохое место — то, где они живут? Что чужое лучше? Сначала город лучше деревни. Потом будет заграничное лучше своего. Потом... Этому кровопийце-пауку — зависти — нет насыщения. Его разрушительная работа никогда не берётся во внимание, потому что *на всех уровнях главная категория общества — семья — выпала из планов, из отчётов,*

из мыслей как начальства, так и публицистов, которые больше любят беседовать «о проблемах» с начитанными экономистами. А эти черпают «осведомлённость» из западных популярных книжек и посредством «испорченного телефона» одаривают социологическими рецептами высокие инстанции. Только вместо старой «кухонной латыни» идёт набор наукобидных иностранных слов, где самое понятное — всё тот же «комплекс».

Председатель колхоза Вольдемар Францевич Врана говорит:

— Надо с ранних лет готовить ребят к жизни напряжённой, трудовой, реальной. Станица молодеет. Средний возраст в колхозе снизился за десятилетие с 46 до 40 лет. Только за последние годы из семисот принятых в колхоз шестьсот тридцать человек — молодёжь. Верю: приходит время оттока из городов — время возврата к земле.

Спрашиваю у директора школы, как выглядит один день летом в бригаде, чем заполнен? Он охотно отвечает — гостей у него много, до одури, — потому на иные вопросы отвечает, не задумываясь:

— Питание бесплатное, работают четыре часа, неделю на стане... В воскресенье — домой в станицу... В лагерной смене сто человек. Оплата только на четверть ниже, чем у взрослых за тот же труд... Часть денег идёт на нужды бригады, а часть ребятам... Ну что ещё? Летом все деньги идут школьнику... Бригаде он не отчисляет... На жатве дюжина мальчиков по трое на комбайне... За уборочную мальчики получают в среднем по пятьсот рублей⁶... Работают до обеда, после обеда спать... После чая, с 16 часов, два часа на благоустройство стана... Вечером линейка — итоги дня... Победитель опускает флаг... У стана сами для своих нужд посадили огород и кормимся... Вот так и живём... Бригада сейчас на хозрасчёте.

Наставник ученической бригады Ирина Никитична Цикалова считает, что *детский труд должен обладать не только рентабельностью, но и песенностью.* Вот тогда дыхания хватит на всю жизнь.

4

Комов
Иван Михайлович
(1750–1792) —
русский агроном, автор
первого русского
руководства по
сельхозмашинам.

5

Болотов
Андрей Тимофеевич
(1738–1833) —
русский писатель, один
из основоположников
агрономической науки.

6

В те годы средняя
зарплата по стране
была 110 рублей,
поэтому 500 рублей —
огромная по тем
временам
сумма. (Прим. ред.)



Альберт фон
Больнетедт
(около 1193—1280) —
немецкий философ
и теолог, автор трактатов
о минералах, растениях,
животных и т.д.

Решил на месте провести опыт с ребятами и проверить их отношение к земле. На скамейке в цветнике расселись девятиклассники в основном из уборочного звена. Скромные, крепкие ребята с пытливыми глазами. Поговорив о том о сём, я без нажима выяснил, что из десяти ребят семеро готовы после школы остаться в колхозе. А вот девочки даже мысленно не могут представить свою жизнь после школы в колхозе. Они отвергли эту судьбу напрочь. Вот корень всех корней. Сколько бы мы ни тратили средств, усилий, призывов, — до тех пор, пока не изменим социально-психологический климат во всём обществе по отношению к земледелю, нам не совладать с этой бедой — бегством от земли.

Эти девочки убеждены телевидением с детства, что «джентльмен» живёт в городе. Они знают даже, как он выглядит: весь в импорте, с «магом» японским, на худой конец с гитарой. Это их увальни могут разобрать и собрать комбайн, водят машины и мечтают попасть в десант. А тот, городской, знает целую дюжину названий заграничных ансамблей. У него весь зад в лейблах, он умён, потому что критикует всё родное и считает всех взрослых скучными дураками. В городе — культура, там никто почти не работает. Кругом асфальт и магазины...

Девочки помогли мне осознать то, что мешало жить в станице, несмотря на цветение сирени и цветники в палисадах. В станице, где так тихо и вольно, куда ни придёшь — везде настаивает всепроникающая атмосфера необходимого, какая-то непрерывная гонка... Ни тебе пустоши и уединения, ни пруда и парка, ни очаровательной беседки — всё отдано производству. На всём печать какого-то оцепенелого беспокойства. В классе — графики, в конторе — планы, на фермах — обязательства и всюду — «даёшь!»... «дадим!»... «выполним!»... Цифирь, плакат и рапорт. Механизмов на селе стало много... А теплоты, тишины и любви всё меньше и меньше.

Когда-то на самом лучшем месте станицы был воздвигнут кафедральный собор. Рядом теперь типовое, плоское, приземлённое здание правления, которое влетело колхозу в копеечку. Собор стоит рядом без главы, без окон, в грудах развалин. Хотели убрать совсем с глаз долой, но кладка больно сильна. Строили на века — не стекло и алюминий да бетон. Пытались взорвать, но стены таковы, что они будут и после взрыва стоять, а вот монолит правления рухнет. Всё есть как будто в колхозе, *а главного нет: нет памяти, нет музея станицы и колхоза, нет парка. А где нет памяти, там нет культуры, даже если ты в импорте от холки до хвоста.*

Что дают память, парк, музей, самобытная, а не типовая архитектура людям? *Они дают ощущение неуязвимости, духовности и корней.* Голое производство, даже сверхрентабельное, одуряет, беспокоит, ожиряет. Первыми это ощущают девочки. Виноват ли колхоз? Нисколько. Он и так делает для своих детей больше любого хозяйства. Врана — хозяин умный, смелый и упорный. Если бы ещё ему дали правильный духовный курс. *Откуда ему знать, что на свете нет ничего более убыточного, чем тотальная поглощённость рентабельностью...*

«...Поднятие крестьянского земледелия — самая существенная задача, прямо или косвенно касающаяся каждого русского гражданина». Эти слова К. Тимирязева сегодня более актуальны, чем при жизни учёного.

«Земледелие — первое, самое важное из искусств» — это не только цитата из Альберта Великого⁷. Нет, это прежде всего каноническое незыблемое положение для всех времён, ибо далее Альберт Великий, чтобы не оставить сомнений, заключает: *«Истинное богатство доставляется только землёй; кто улучшает свои земли, торжествует победу».*

Или нет у нас за плечами богатой и славной земледельческой традиции? Разве не по нашей земле в 1888 году прошёл первый в мире гусеничный трактор? Создан



он был бывшим бурлаком Фёдором Блиновым в городе Балакове. Ученик Блинова Я. Мамин создал в 1911 году первый русский дизельный трактор. Изобретатель был принят в 1918 году Лениным в Кремле и получил одобрение и поддержку на постройку первого в России тракторного завода, который в Саратовской области выпускал тракторы конструкции Мамина — «Гном» и «Карлик».

Осмыслим ли мы свой путь? Мы в 1928 году применяли ещё на пахоте четыре с половиной миллиона сох, косуль и сабанов. Мы встретили нашествие фашизма ещё крестьянской страной. В этом, кстати, была наша не только слабость, но и сила прежде всего. Наш воин взял в руки винтовку, а кубанские и донские казаки, взяв клинки, оставили сохи, которыми орал ещё их предок Микула Селянинович. *Мы пошли на врага, не растратив ещё былинной уравновешенности психики и эпического душевного склада.* Способны ли мы вернуть внукам этих богатырей непоколебимую веру в то, что истоки культуры берут своё начало в деревне? Если мы это сделаем, то будем самой богатой и самой культурной страной мира — как нам и подобает по историческому жребию.

Если мы начнём с укрепления памяти, мы одолеем всё.

Без личности на селе не будет продукции и не будет прибыли. Без достоинства земля не рождает. Ей, земле, нужен хозяин, а потому есть только один способ и путь к силе и процветанию — это вернуть землю единственному её хозяину, тому, кто её поливает своим потом.

Пришла пора нового возрождения усадебной культуры и людей суворовского здравого смысла и служения.

Было бы неловко забыть отца нашей педагогики К.Д. Ушинского и его замечание о воздействии родной земли на нас: «А воля, а простор, природа, прекрасные окрестности городка, а эти душистые овраги и колыхающиеся поля, а розовая и золотистая осень разве не были нашими воспитателями? Зовите меня варваром в педагогике, но я вынес из впечатлений моей жизни глубокое убеждение, что прекрасный ландшафт имеет такое огромное воспитательное влияние на развитие молодой души, с которым трудно соперничать влиянию педагога».

...У Григорополисской школы великолепное здание, которое могло бы украсить любую столицу, но нет своего парка и сада. На школьных участках вместо цветов, кустарника и деревьев повсюду — необходимые для опытов растения. Будто их мало на десяти гектарах только опытных полей школы.

Хорошо бы не тысячу гектаров пашни закреплять за бригадой, а в первую очередь сто гектаров колхозного сада — это гораздо более созвучно детству. Всё равно убирают фрукты школьники. Если бы меня спросили, чего не хватает в деревне, я бы ответил: *в деревне недостаёт деревни. Утрачена душа деревни, самое драгоценное, что было в ней.* В сознании сельского жителя одним из самых легкоусваиваемых внешних атрибутов города стал асфальт. Видимо, как антитеза непролазной грязи родной, сельской. Потому асфальтом стали заливать

Несжатая полоса

Поздняя осень. Грачи улетели,
Лес обнажился, поля опустели,

Только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводит она.

Кажется, шепчут колосья друг другу:
«Скучно нам слушать осеннюю вьюгу,

Скучно склоняться до самой земли,
Тучные зёрна купая в пыли!

Нас, что ни ночь, разоряют станицы
Всякой пролётной прожорливой птицы,

Заяц нас топчет, и буря нас бьёт...
Где же наш пахарь? чего ещё ждёт?

Или мы хуже других уродились?
Или не дружно цвели-колосились?

Нет! мы не хуже других — и давно
В нас налилось и созрело зерно.

Не для того же пахал он и сеял,
Чтобы нас ветер осенний развеял?..»

Ветер несёт им печальный ответ:
— Вашему пахарю моченьки нет.

Знал, для чего и пахал он, и сеял,
Да не по силам работу затеял.

Плохо бедняге — не ест и не пьёт,
Червь ему сердце больное сосёт,

Руки, что вывели борозды эти,
Высохли в щепку, повисли, как плети,

Очи потускли, и голос пропал,
Что заунывную песню певал,

Как, на соху налегая рукою,
Пахарь задумчиво шёл полосою...

*Н.А. Некрасов
1854 г.*



Покормите птиц

Покормите птиц зимой,
Пусть со всех концов
К вам слетятся, как домой,
Стайки на крыльцо.

Не богаты их корма.
Горсть зерна нужна,
Горсть одна —
И не страшна
Будет им зима.

Сколько гибнет их — не счесть,
Видеть тяжело.
А ведь в нашем сердце есть
И для птиц тепло.

Разве можно забывать:
Улететь могли,
А остались зимовать
Заодно с людьми.

Приучите птиц в мороз
К своему окну,
Чтоб без песен не пришлось
Нам встречать весну.

Александр Яшин
1964 г.

всё, что попадётся. Часто и то, что не надо бы. Дорожки, которые стали бы украшением с гравием или битым кирпичом, заливают асфальтом. В школе спортплощадки тоже залиты асфальтом не без цивилизаторской гордости. Зеленела площадка, заросшая вьюнком. Устыдились этого деревенского «сорняка» и решили залить асфальтом. Почему по вьюнку хуже гонять мяч, чем по асфальту, — непостижимо. Залили, а вьюнок пробился сквозь смолу по трещинам. Они его снова заливают, а он опять высовывается. Тогда убрали асфальт, сняли слой земли, выжгли землю селитрой и снова залили асфальтом. Но вьюнок всё же кое-где снова пробил асфальт! Жаль, что нельзя поставить памятник неистребимо живому вьюнку!

Деревья в этих краях для посадок выбирают как будто для галочек в отчётах. То, что воткнёшь, — то и растёт, то и приветствуется. Хороши для отчётов ивы, берёзы, тополя. Дубы, что держат почву, не в почёте — требуют длительного ухода, долгого дыхания. Деревне бы повернуться лицом к самой себе, вспомнить лучшее в наследии, взять у города только технологию и бытовые удобства. И помнить слова Монтескье о том, что «глупость есть порождение цивилизации»... Деревня, погнавшись за городом, утратила драгоценную часть своего наследия — одухотворённость и нравственность своего бытия.

...Пешком я добрался через всю станицу в свою гостиницу-усадьбу в пойме Кубани. Вечерело. Хлопали калитки. Ушли на насест куры. С характерным звуком ударили в днища вёдер струи парного молока. Звёзды высыпали на небосклон. Я стал перечитывать страницы, написанные здесь, и подумал, что лучшее из бывшего мы должны взять с собой, а кое-что и вновь вживлять и прививать к деревенскому стволу жизни. Пушкин зря не бросался словами. Он о Жуковском сказал: «Никто не имел и не будет иметь слога равного в могуществе и разнообразии слогу его». Жуковский, как никто, постиг тайну души нашей деревни, быть может, потому, что он был одним из великих педагогов России, знал тайну всех тайн учительства, которая вылилась в строки его любимого изречения: «Всё в жизни к прекрасному средство».

Я начал очерк рассказом о кодексе английского джентльмена, который «обыкновенно живёт в деревне». Что, если и кончу англичанином, классиком научной, природосообразной педагогики Джоном Локком, который был убеждён: «Молодому английскому джентльмену нужны самые простые вещи, не толстая и не тёплая одежда, простая пища, приученные к холоду ноги, жёсткая постель, свежий воздух, здравый рассудок, знание людей и природы, привычка молиться богу утром и вечером, правдивое сердце».

Скажите: а при чём тут ученическая бригада? А притом, *что именно в этой стратегии нуждается наша школа. У нас много выучки, но мало воспитания; из нас образуют учёных, художников, но ещё не надумались образовывать людей, то есть воспитывать их друг для друга...*

Ставропольский край